

К ИСКУССТВО ВОСХОДИТ К ПЫШНОМУ
наследству русского варварского
классицизма — к риторическим пе-
реводам французских трагедий и к ус-
ловностям комической оперы.

Он вывел из традиции гражданского искусства, к я эпоху крепостничества, нископавшей реакции и удушливой тяжести жизни человека на сцену выдуманное благородство, а приукрашенные вымысел. В этом своем искусстве он достиг высочайшего и виртуозного мастерства. Не напрасно много и любят. Никогда не сопровождала карьеру славянского проповедника самодерзавая, народности и извращенности.

было примоднейко и ковано, он являл тех социальных и психологических противоречий, которые привели в театр романтизм и бунт в амплуа чеховских: эти бунтарские ноты он обращал в размеренную декламацию, а неистовство страстей подменял великодушием жеста и толкованием похоронок.

Такой борьбой была жизнь Мартынова — печальная, неудачная жизнь художника-новатора, поставленного между требованиями императорского театра и несущейся за его стенами жизни. В противном случае Каратыгину Мартынов был тесно связан с передовой литературой, с Гоголем, Тургенев и Островский встретил в нем глубокого исследователя своих образов.

Он принес с собой на сцену гуманизм и по-новому осветил современную жизнь. Уже не эпиметические маски, а противоречивые теплые образы «бедных людей» вопли в театр.

Новый социальный типаж в воде-
виллях и комедиях впервые на сцене
Александринского театра черпал новое и
неожиданное мастерство Мартынов
играл, смущал и потрясал зрителя.

Речь идет не о натурализме. Стиль совокского кино — это не эпиграф. Мартынов не рождался таким, а раскрывал на своем собственном примере его сутью. Но, конечно, что внутреннее и социальные обличия его современников сложны. Он — таким же, как и в психологию «уязвимых и оскорбленных», и с неожиданной смелостью и жесткостью разлучил привычные представления о смешном и трагическом. Он же знал их в чистом виде. Например, он показал человеческое, «глинистое» четвертое в комедии. Он вводил в комедию до трагикомической силы, и тогда в усиленном лаудачном волеизъявлении персонаже его в мучительной форме обнаруживал его «человечность».

Его искусство становилось тревожным и предостерегающим, в особенности, когда он играл Тихона в «Грозе» или изображал человеческое угнетение в «Снегах», из долгового отделения. Он увидел, что жизнь не проста и что современная ему эпоха полна противоречий. Он не мог и не пытался примирить их. Он лишь с зоркостью видел, что разрушил старый мир. Он не знал, что придет и не дался бы измученного выкупа, предоставляя сделать это самому зрителю.

Мастерство Магильнова и его взгляд на жизнь становились бесценными. Инферальное «общество» беспроточливо влияло на его игру. И чем более живы были каратыгинские условные приемы, тем разительнее и интереснее становился Магильнов.

От него нельзя было защититься простым повторением каратэ-гисских принципов. Они гасли и зымыли на глазах у зрителя. Она отжила вместе с тем, как в театре все сильнее входила вода буржуазного влияния. Но моя борьба с марксовскими следователями, отправившимися на мелкобуржуазную радикальную интеллигенцию, они нуждались в реви-зии, пересмотре.

Актер Самойлов протянул нить от придворно-дворянского театра к театру светско-буржуазному. От своих предшественников он заимствовал чеканку образа, завершенность мастерства и отчетливую идеализацию. Но в противоположность Каратыгину он стал наблюдателем жизни. Он не находил в ней трагических противоречий, которые увидел Мартынов. Оба они смотрели в одном направлении, но видели разное.

Мартынов удовлетворял всемерно и пробудившейся социальной и философской мысли зрителя. Символом притягательного удовольствия для любознательного. Он внутренне полиминимизм с Мартыновым. С его точки зрения современная ему эпоха была спокойная, ублажительная и отнюдь не давала повода к мучениям и противоречиям. Тем менее было делом театра погрузиться в невеселые думы.

Наполнители и жанры Самойлов зарисовывал с быстрой, спонтанной графичностью. Он оставался предельно честным рисунком. Его персонажи были галками, ровными и откровенными. Можно даже сказать, что он изобрел и ввел в искусство своего рода «окультуренный» отброс, или быт в формах традиционных и показывая блекло-красноречивость в ролях жанровых.

[illegible]

Плеяда актеров девятидесятых годов было на чем основываться. За ними в прошлом лежал богатый сценический опыт. Сумма накопившихся приемов была велика. На нас оставалось только выбирать. Их с огромным блеском использовал **Савицкий**.

Она не принадлежала к числу спеначеских гениев, но наивысшее поле деятельности ее — искусство оклеивания буржуазного чехла. Область ее репертуара далеко отстояла от трагедии. Центром своего внимания Савина сделала современную ей женщину. Она воплощала в ней все различия классовых слоев и с большой смелостью и яркостью пыталась раскрыть ее социальную характерность. Она искала для каждого изображаемого явления его типические черты.

Актриса бытового драмы, она была неистощима поизобретательна в комедии и в совершенстве владела жалостным рисунком. Не обладая той стихийностью дарования, которым ошеломлял современников Вирланди, и не вырываясь за пределы уравновешенного эстетического театра, она воспешила современного зрителя тонкостью наблюдений, ясностью ума и технической виртуозностью.

Но тем не менее, как бы разлучились
 душевные ода из языков бая, как бы ни
 смеялись, ни урочистым, неутолимостью
 и телесности, так бы ни негодовала
 на творца и божия, как бы ни прекло-
 нялась перед богомородством чувства, —
 во всем отшельники как чашечки все об-
 радова и рождала и была бурною жея-
 щими, в меру добродетельной, в меру
 подержанной семьею устои в
 меру отдающейся лютым чувствам. Оч-
 новой же, чистоты и чистым в конце
 всегда оказывалась радость, тоскою и
 страданиям жила. Так смолкнул блеск
 ее жарения и вдалеком жонки чу-
 ства, в сердце была предельным ма-
 туром. Она сидела в зев, дитя в
 ее разноты и нежности, от давности
 «Дитярик» Островского до «Дамы с ка-
 мелией» и тургеневских героинь.

Она, в частности, сделала за всю свою будущую жизнь, и по ее словам, можно было бы составить повесть их жизни. Вместе с нею в лагерь революционной борьбы пришла мастерица буржуазного театра, уступив место новым актерам, другим друзьям и опенническим заданиям, осуществленным в лагере и на

Л. МАРКОВ